

Читайте в серии
МАГИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Медвежий край
Уездный город С

Дарья
Кузнецова

УЕЗДНЫЙ
ГОРОДЪС

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Иллюстрация на переплете *Mary Iv (Мария Иванова)*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

В оформлении авантитула использована иллюстрация:
© Zhee-Graphic / Shutterstock.com / FOTODOM

Кузнецова, Дарья Андреевна.

К89 Уездный город С : [роман] / Дарья Кузнецова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-216741-6

Уездный город С*** кажется тихим, почти забытым уголком Империи. Туда и направляют со строгим взысканием и понижением в звании петроградского поручика Натана Титова. Но на мирную жизнь в провинции можно не рассчитывать: вскоре на мысу находят тело молодой женщины в странной позе. Вместе с эксцентричной напарницей, которая умеет управлять сутью вещей, ему предстоит раскрыть дело, в котором переплелись преступление, магия и старые тайны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кузнецова Д.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216741-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. СЕВЕРНЫЙ ГОСТЬ	7
Глава 2. СЫСКНАЯ КОНТОРА	24
Глава 3. РУСАЛКА	47
Глава 4. ИМЯ РОЗЫ	66
Глава 5. МАЙСКАЯ НОЧЬ	87
Глава 6. ТОНКАЯ НИТЬ	107
Глава 7. ЛОБНОЕ МЕСТО	127
Глава 8. ЗАГОВОР	139
Глава 9. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	155
Глава 10. ДОМ НА УГЛУ	179
Глава 11. СЕМЕЙНАЯ ДРАМА	200
Глава 12. ОХРАНКА	218
Глава 13. ДУРАЧОК	232
Глава 14. КУЛЕЧКА	250
Глава 15. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС	265
Глава 16. ВСТРЕЧА	282
Глава 17. «ВЗЛЁТ»	302
Глава 18. ЛЮБОВНИК	316
Глава 19. ПОДВАЛ	331
Глава 20. ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛИЙ	347

Оглавление

Глава 21. СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА.....	365
Глава 22. НОВЫЙ ПОВОРОТ.....	381
Глава 23. ЧУЖОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ.....	392
Глава 24. МАМУНА.....	406
Глава 25. МОМЕНТЫ ИСТИНЫ.....	424
Глава 26. ПО ЗАСЛУГАМ.....	441
Глава 27. ВАЖНЫЙ ШАГ.....	462
ЭПИЛОГ.....	475

*Май 1925 г.
Российская империя,
город С*** С-ской губернии*

Глава 1

СЕВЕРНЫЙ ГОСТЬ

Кабинет выглядел сдержанно-старомодным, какими бывают вековые дворянские усадьбы, принадлежащие крепким, дружным семьям. В торце — тяжёлые дубовые двери о двух створках, напротив них — пара высоких, обрамлённых плотными зелёными портьерами и прикрытых светлым газом окон. Через открытую форточку кабинет наполнялся гамом улицы, неумолчным птичьим щебетом и одуряющими запахами молодой листвы.

В простенке между окнами висел поясной парадный портрет императора Михаила II в резной, потемневшей от времени раме. Судя по её антикварному виду, нынешний государь висел в ней далеко не первым: все предшественники его столь же гордо и строго взирали на посетителей весь отмеренный срок своего царствования, а покидая престол, отправлялись куда-то в архивы. Со всем почтением, но — на голых подрамниках.

Под портретом обосновался дубовый стол, обитый зелёным сукном. Ножки стола, казалось, под грузом прожитых лет вросли в паркет; сукно местами лоснилось,

но благородно, без пошлости, словно лысина на голове почтенного господина.

Один такой господин — правда, без лысины — сидел за столом в старинном кресле с высокой спинкой. И даже если бы почтенный муж этот не занимал хозяйского места, всякому было бы очевидно, что кабинет принадлежит именно ему. Они настолько подходили друг к другу, что мужчина с добродушным круглым лицом и аккуратно уложенными русыми с проседью волосами казался не живым обитателем комнаты, а просто частью её обстановки. Белый форменный китель, уютно облежавший солидную, но ещё не дряблую фигуру, был единственным, что хоть немного отделяло полицмейстера от фона.

Слева от господина, вдоль стены, тянулась многоярусная, от пола до потолка, картотека, вызывающая у всякого посетителя необъяснимое колотье в левом подреберье и навязчивое чувство вины, даже будь этот гость чист как агнец божий. Дальше до самого угла стройным рядом шли книжные шкафы, которых втиснулось целых три штуки, — такие же старинные, основательные, надёжные, как и прочая мебель. По правую руку вырастал из угла солидных размеров нескораемый шкаф, выкрашенный мшисто-зелёным и почти теряющийся на фоне штор.

А всё остальное пространство стены, от нескораемого шкафа до двери, закрывал богатый, тончайшей работы персидский ковёр в зелёно-коричневых тонах, на котором были развешаны любовно вычищенные и гордо поблёскивающие предметы, неспособные оставить равнодушным ни одного настоящего мужчину: коллекция оружия.

Единственный посетитель кабинета, занимавший кресло напротив хозяина, явно был настоящим мужчи-

ной — если судить по заинтересованным взглядам, которые он нет-нет да и бросал в сторону ковра. И надо думать, в оружии оный посетитель понимал: погоны поручика на полицейском мундире бросались в глаза, да и выправка и взгляд выдавали офицера. Наверное, это тоже сыграло роль в покровительственном, тёплом отношении хозяина кабинета к своему гостю, а вернее — к подчинённому.

— Я чрезвычайно рад, любезный Натан Ильич, что вы перевелись в наш скромный город. Поймите меня правильно, у нас хватает людей, есть отличные специалисты по чародейскому профилю, некоторые и столичным фору дадут — всё же Федорка... то есть, простите, Институт Небесной Механики под боком, а там уровень университетский. Но вот бойцов, опытных офицеров, которые сыскное дело знают от корки до корки, не хватает. Да и какие у нас преступления, любезный Натан Ильич? Город, хоть и губернский, всё одно тихий. Вот в Рождество жуткий скандал вышел, фабрикант жену с любовником застукал да обоих порешил, так до сих пор самое страшное преступление. Поймите правильно, меня, как ответственного за городской порядок, подобное чрезвычайно радует, но как полицейского и, уж простите, охотника — безмерно печалит. Третьего года дело заковыристое было, с большой кражей, так пришлось Охранку подключать, будь она неладна: не справились сами. А это, любезный Натан Ильич, и по престижу ударяет, и по гордости, и вообще на кой чёрт мы тут сидим, ежели при малейших трудностях должны о помощи просить? В общем, рад, чрезвычайно рад и очень рассчитываю на ваш опыт! А то вот на Пасху тоже был случай...

Голос у полицмейстера¹ С-ской губернии полковника Петра Антоновича Чиркова был глубокий, звучный, хорошо поставленный — удовольствие слушать. И в какой-то момент — признаться, довольно скоро — «любезный Натан Ильич» поймал себя на том, что слушает очень внимательно, но смысл сказанного уплывает куда-то за шторы, которые колышет майский ветерок. Поручик постарался сосредоточиться, но вскоре оставил это занятие: полковник был как глухарь на току и мало интересовался, с каким тщанием слушает его новый подчинённый.

Но, улучив момент в потоке кровавых историй из спокойной жизни города С***, Натан нашёл возможность вставить вопрос:

— Господин полковник, а штат уголовного сыска — большой? Кто начальник? Из гражданских или военных?

Полковник осёкся, смущённо кашлянул в ответ, побарабанил длинными крупными пальцами по столешнице. Нервным жестом пригладил густые белые усы, в сочетании с круглым лицом и зелёными лукавыми глазами делавшие его похожим на ленивого кота, потом неуверенно, даже заискивающе улыбнулся и промолвил:

— Да какой там штат, любезный Натан Ильич? Десять человек всего, не считая вас.

— На весь город? — уточнил поручик. По его представлениям, для такого спокойного города получалось совсем не мало.

— Господь с вами, на губернию, — отмахнулся Чирков. — Говорю же, нужды особой нет, тихо у нас. Исправники на местах справляются, а если вдруг сложности

¹ Полицмейстер — должность начальника губернского отделения Департамента полиции.

какие — так вон оно, чудо техники стоит. — Он выразительно кивнул на пару пузатых, блестящих телефонных аппаратов, стоявших на столе. — С начальником тоже прежде обходились кое-как, — продолжил полицмейстер. — Не было у уголовного сыска своего начальника, любезный Натан Ильич, всё больше и. о. в порядке живой очереди, поймите меня правильно. Вот я и намеревался возложить сию почётную обязанность на вас: у вас и полицейский опыт, и офицерский, и личные качества. Вы ведь не против?

— Я? — растерянно переспросил поручик, чувствуя себя в этот момент донельзя глупо. — Эм... нет. Наверное, не против. Но это очень неожиданно!

— Освоитесь, — добродушно отмахнулся Чирков. — Но я, конечно, не отбираю у вас расследования: прекрасно понимаю, молодость, не до кабинетной работы. Негоже зарывать талант в землю, паче того, вам, как *живнику*, должно быть особенно горько и тяжело сидеть на одном месте среди бумажек. Но зато вам лично в помощники определён лучший из *въщевиков*! Сейчас подойдёт, я вас познакомлю. Учёный, в свои двадцать пять — уже магистр, настоящий гений. Со странностями небольшими, но кто без них? Вот с пунктуальностью, увы, проблемы, такая рассеянность... Хотя, может быть, в Федо... то есть в институте задержали. Тут, кстати, у них намедни такая забавная история приключилась, вам должно быть интересно...

Натану интересно не было, но он на всякий случай кивнул и через несколько секунд, ни капельки не расстроившись, снова потерял нить повествования. Петроградцу было о чём подумать, а мерная, глубокая речь полковника от мыслей совсем не отвлекала, даже наоборот, помогала сосредоточиться.

Поручик Титов был обескуражен заявлениями полицмейстера и никак не мог определить собственного к ним отношения. Он не ожидал, что новый начальник вдруг проникнется к нему такой симпатией. Сам бы Натан на месте этого начальника точно не проникся: столичный фрукт, переведён с понижением в чине, да ещё с выговором за поведение, порочащее честь офицера. Тут впору не радоваться, а посылать в благодарность за подарочек грома и молнии на головы столичного начальства! А полковник — ничего, явно доволен, почти окрылён радужными перспективами.

Впрочем, быть может, загадки никакой нет и дело нового офицера он просто не дочитал до конца? Удовлетворился блестящим табелем, прекрасным началом карьеры — и на том успокоился? Успевший немного понаблюдать за Чирковым, Натан бы этому совершенно не удивился.

И вот здесь перед поручиком — а год назад ещё блестящим штабс-капитаном, представленным к повышению, — вставал серьёзный вопрос: стоит ли указать начальству на его невнимательность. С одной стороны, нехорошо вводить в заблуждение прямого командира, а с другой — и указывать на оплошность тоже не дело, нельзя быть до конца уверенным, что Пётр Антонович действительно не читал бумаг нового офицера...

Натан так и не сумел прийти к окончательному решению, когда поток воспоминаний полковника резко прервался шумом открывающейся двери. Та не скрипела петлями, это было ниже её достоинства, но издала солидный шелестящий вздох, на который ответили, приветственно качнувшись, занавески.

— Алечка, ну наконец-то! — встрепенулся Пётр Антонович, разулыбался и проворно поднялся с кресла,

с тем чтобы выйти из-за стола и тепло поприветствовать нового посетителя. Натан на всякий случай последовал его примеру. В дверях появилась молодая женщина.

Та, впрочем, на восторги полковника не ответила, она была чересчур увлечена какой-то пухлой брошюрой или журналом. Только предупреждая вскинула руку, явно намереваясь дочитать страницу.

— Алечка, — с укором протянул Чирков. — Это невежливо, в самом деле. Мы же ждём!

— Простите, дядюшка, очень уж статья интересная. — Она отвлеклась от чтения и, тепло улыбнувшись хозяину кабинета, спрятала брошюру в планшет, притороченный к поясу. — Добрый день! — Она вскользь одарила поручика взглядом и тут же опять вернулась к полицмейстеру: — Вы представляете, господин Попов сумел с помощью своего аппарата передать не только простой сигнал, но отдать команду *вѣщи!* Элементарную, но это ведь самый настоящий прорыв! Дядя, мы с вами живём в волшебную эпоху, через десять лет мир изменится до неузнаваемости! Представляете, можно будет самолётами или цеппелинами управлять, не поднимаясь в воздух! Или вот, к примеру, мечта ректора нашего, Константина Эдуардовича, о звёздах. Десять, может быть, двадцать лет — мы не только освободимся от земного притяжения, но и улетим куда угодно! К Луне, к Марсу, к Сатурну!

— Алечка, поймите меня правильно, но по мне, и здесь дел невпроворот, чтобы ещё до Марса летать, — вымученно улыбнулся Чирков, а женщина в ответ звонко рассмеялась:

— Дядя, вы неисправимы!

Натан тем временем смог спокойно рассмотреть эту особу и оказался... под впечатлением. Выглядела «Алеч-

ка» весьма эксцентрично и олицетворяла собой воплощённый контраст к кабинету полицмейстера и к нему самому. Она явно относилась к растущему числу женщин, которые с энтузиазмом восприняли закон двенадцатого года о предоставлении равных гражданских прав слабому полу.

Почему император Александр вообще задумался о подобном законе и как на него решился, лично Натан не понимал, но поступок этот уважал. Поручик никогда не был ярким противником подобной меры, а за годы полицейской службы и вовсе признал её справедливость: ему, выросшему в дружной семье, было дико видеть, как порой живут люди и как беззащитны бывают женщины, особенно перед тем, кто божился оберегать и защищать.

Собственно, путь к революционному закону начался ещё в прошлом веке, с запрета на рукоприкладство, с гарантии защиты женщин от жестокости. Тогда же как грибы после дождя начали плодиться по империи всевозможные общества и *сестричества*, помогавшие представительницам слабого пола, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Среди богатых дам, особенно — скучающих вдов, стало модным организовывать и содержать подобные, и именно эти дамы впоследствии оказались первыми сторонницами дальнейших реформ. Консерваторы и поборники патриархальной морали были недовольны, называли всё это бабьим бунтом и ругали императора, но волна набирала обороты.

На рубеже веков женщинам разрешили получать любое образование — при наличии, разумеется, склонности. И главные аргументы императора было очень сложно опровергнуть: перемены продвигались под знаменем великих женщин истории, которых набралось немало,

начиная с княгини Ольги и прочих былинных героинь. Да что там, одного упоминания Екатерины Великой хватало, чтобы унять злые языки: мало кто смел отрицать государственный ум и мудрость императрицы.

Последующее официальное признание равноправия оказалось закономерным и предсказуемым шагом, к тому же реформу признала Церковь. Широкая общественность представления не имела, как покойный Александр III сумел убедить попов.

Вот только женщины не просто осознали свои права, но и начали порой вольно толковать свободы, что сказалось, среди прочего, на одежде. И вот эта «Алечка» являлась ярчайшим образцом «женщины нового времени».

Кое-как собранные в причёску рыжие кудри местами прихотливо топорщились, одежду составляли белая блуза и морковного цвета широкая юбка-брюки провокационной длины — она не достигала и середины голени, демонстрируя изящные лодыжки в высоких ботиках на шнуровке. Тонкую, безо всяких корсетов, талию охватывал широкий пояс, к которому крепились кожаный планшет, небольшая прямоугольная сумка с неведомым содержимым и — на боку, где уставом полагалось носить шашку, — длинный и узкий кожаный чехол-тубус.

Наконец Натан признал, что женщина скорее хороша, чем нет: кошачьи зелёные глаза, круглое личико с чуть вздёрнутым аккуратным носом, складная фигурка. Особенно привлекала улыбка: ясная, заразительная. Образ «женщины нового времени» очень подходил этой энергичной особе, и было сложно представить её в ином виде.

— Алечка, позволь тебе отрекомендовать, Натан Ильич Титов, тот самый офицер из столицы, которого